

Не запрещайте ходить по газонам

Дебют Алексея МУРАДОВА в кино и впрямь впечатляет. Картина "Змей" участвовала в 30 международных кинофестивалях, включая Венецию, Роттердам, Сандэнс, Торонто. Впереди — еще около 15. Всего за год фильм получил 13 национальных и международных наград. А после того как "Змей" вошел в число номинантов в категории "Открытие года" на приз Европейской киноакадемии (который иногда называют европейским "Оскаром"), режиссер получил приглашение войти в ее состав.

— Алексей, как вы восприняли новость, которая пришла из Европейской киноакадемии?

— Это было полной неожиданностью, а кроме того, это для меня большая честь.

— Вам уже известно, в чем будет заключаться ваша деятельность?

— Основное, как я себе представляю, — участие в голосовании на призы Европейской киноакадемии. В течение года мне будут присылать по 30–40 кассет с фильмами-номинантами. Я буду все это смотреть, отбирать, высказывать свое мнение. Кроме того, являясь представителем Европейской киноакадемии в России, я должен способствовать продвижению европейского кино на нашей территории.

Пока не до конца знаю всю эту механику и возможности, но главное, чтобы было что продвигать. Слава Богу, в нашем кино сегодня работает много интересных людей.

— В том числе есть и новые имена?

— Да, конечно, к примеру, Ильдар Замалеев, Татьяна Деткина, Юра Алейников, Лена Жигаева, Коля Хомерики, который сейчас учится во Франции. Я назвал далеко не всех, но вот эти люди, как мне кажется, могут "выстрелить" очень сильно. Все они — с Высших курсов режиссеров и сценаристов, из мастерских Германа, Хотиненко, Смирнова.

— Вы хорошо себе представляете состав Европейской киноакадемии, вас не смущает компания, в которую вы попали?

— Компания — будь здоров! Даже от перечисления всех этих имен голова кружится. Знаете, что я скажу по поводу компании? В Венеции я услышал, что мой фильм похож на фильмы Сокурова. В Салониках картину сравнили с кино Тарковского. В Торонто сказали, что "Змей" напоминает фильмы Германа. Я про себя подумал, что если к этим именам добавить Киру Муратову и Никиту Михалкову, то это та компания, где даже последним быть очень хорошо.

— Тем не менее как вы относитесь ко всем этим сравнениям: они вас больше радуют или огорчают?

— Радует то, что называются имена из "первого эшелона", которые являются вершиной нашего кино. Но с другой стороны, знаю, что разбираться в себе самом мне интереснее, чем быть на кого-то похожим.

— Кстати, как Алексей Герман, ваш мастер, воспринял "Змея"?

— Когда работа над картиной была закончена, мы с оператором Робертом Филатовым приехали к Герману, он жил тогда в Москве, и у него дома все вместе начали смотреть фильм. Герман с Кармалитой смотрели очень внимательно, не мигая, по крайней мере, у меня возникло такое ощущение. Я стал сильно волноваться, ведь у меня не было уверенности, что фильм понравится. После того как картина закончилась, Герман сделал паузу (у меня внутри все похолодело), а потом сказал: "Ну что — это произведение искусства". И больше он не произнес никаких слов. На самом деле для меня это оказалось как инъекция против всех дальнейших публикаций, ругани, хвалы — словом, всего того, что сопутствует премьере, а кроме того, еще и дебюту.

— Дебют оказался более чем заметным. Вы это предполагали, когда снимали картину?

— Я об этом просто не думал. Волновала сама эта история, она для меня была очень важной, поэтому все, что я делал, делал искренне. Видно, это почувствовали те люди, которых мне удалось подключить к работе. Мы не стремились произвести эффект, создать шум вокруг фильма, заработать фестивальные награды.

А когда все это произошло, я для себя вывел формулу, что мы получили бонусы, которые так или иначе нам дал Бог.

— Сегодня многие кинематографисты уходят на телевидение, а вы отказались от благополучия, которое давало вам ТВ, не говоря уже о том, что к моменту своего дебюта в кино вы уже вышли из юношеского возраста. Почему?

— Да, на телевидении я проработал около 15 лет. Делал все, начиная с рекламных роликов и заканчивая большими публицистическими передачами, документальными фильмами, разными шоу. Я был одновременно главным режиссером ежедневной получасовой передачи, требующей использования новых технологий, параллельно делал с Радзинским "Сталина", за которого автор и вся группа получили "ТЭФИ". У меня было все более чем в порядке, не было никаких проблем — ни финансовых, ни творческих. Я был достаточно востребованным, свободным художником, меня приглашали разные редакции, работы было выше крыши. Но в какой-то момент возникло ощущение, что по отношению к телевидению внутри меня все было выработано. Телевидение — это то, что вокруг человека, а кино — это то, что у него внутри. Когда я понял, что могу "увидеть", что творится внутри человека, решил пойти в кино. Начал писать рассказы, сценарии, но это было совсем не то, мне казалось, что с помощью "пленки" можно достичь большего в выражении своих мыслей. И я начал снимать.

— При желании поделиться своими мыслями со зрителями с самого начала, на первом фильме, вы — автор — достаточно отстранены от экранной истории. Взгляд наблюдателя вам многие ставят в укор...

— Это ощущение, что я несколько препарировать, занимаюсь художественной резьбой по живому телу, на мой взгляд, возникает потому, что я не даю оценку герою. "Не делаю" его ни положительным, ни отрицательным. Не жалею и не ругаю. И это принципиально: "Не судите да не судимы будете". Для меня кино — это зеркало, которое я рассматриваю как зрительское отражение. Каждый зритель в фильме видит себя, он выхватывает то, что ему близко. Не хочу в это отражение собственного "я" добавлять еще и свое личное мнение. Нет, вот ты смотришь в "себя", и если находишь там что-то, что не нравится, значит, это "сидит" в тебе самом. И вполне вероятно, что рядом с тобой находится в зале другой человек, которому, наоборот, это все очень нравится. Я хочу дать возможность каждому зрителю увидеть самого себя. Именно поэтому пытался сделать фильм вневременным, для меня это самое главное — отношение к жизни и смерти, к конкретному человеку, который занимается конкретным делом. Слава Богу, что сейчас отменена смертная казнь, но, не случись этого, я не думаю, что палач сегодня будет жить по-другому, если даже у него будет "мерседес", роскошный особняк, хороший заработок. Все равно те проблемы, которые стоят перед человеком в нашей картине, так и останутся. "Змей" — это не отношение к конкретному времени, это взгляд на проблему: человек убивает человека. Советское, несоветское время — не важно.

— Тем не менее вы родились в советское время, каким оно вам запомнилось?

— У меня было замечательное детство, которое я провел на юге страны, под Батуми, — море, пальмы, виноград, акации... По всей видимости, так счастливы, как в детстве, уже не буду. И когда пришла "перестройка", я тоже достаточно активно жил, у меня было много удовольствий. Да и сегодня — весьма большой круг увлечений.

— "Змей" — ваша дипломная работа на Высших курсах режиссеров и сценаристов. У вас была альтернатива в выборе материала, вы могли бы тогда снять другую картину по жанру, по стилю, да и просто о другой жизни, не такой трудной, если не сказать безысходной?

— До того, как возник сценарий "Змея", у меня была еще одна идея, с которой я пришел к Герману и Кармалите. Речь шла о рассказе "Черное пальто" Петрушевской, с которой я уже договорился о том, что буду снимать фильм. Даже написал сценарий и показал его Кармалите, но она сказала, что это слишком "тяжелая" история, и посоветовала выбрать что-нибудь "полегче".

— О чем же тогда этот рассказ, если он "тяжелее" истории "Змея"?

— О девушке, которая пыталась покончить жизнь самоубийством, о том, что она себе представляла за несколько секунд... Это несколько мистическая история, хотя выглядит все довольно реально. А знаете, сценарий "Змея" тоже не сразу одобрили мои мастера, и лишь спустя некоторое время Герман и Кармалита изменили к нему отношение и благословили меня на съемку.

— Признаться, когда я узнала, что вы снимаете комедию, с трудом в это поверила.

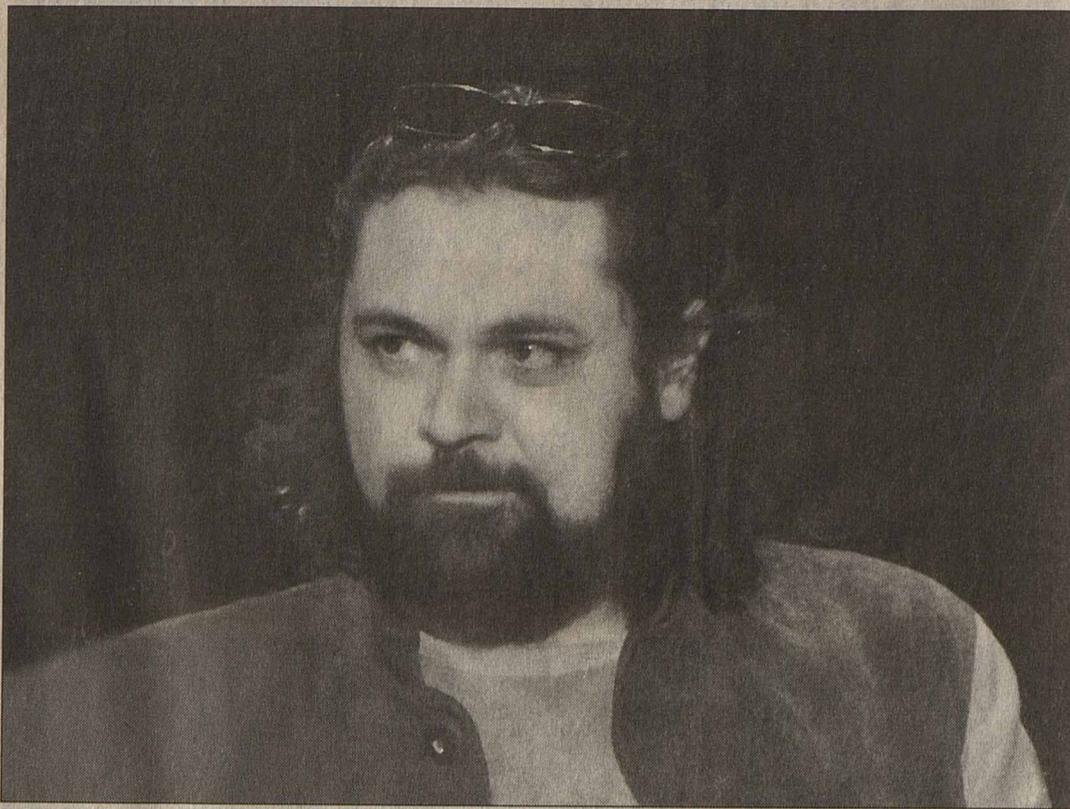
— Прежде всего речь идет не о комедии в чистом виде, которая вызывает много смеха. "Правда о щелпах" — сердитая комедия, вызывающая ироническую улыбку. В нашем фильме главное — внутренние переживания героев, отсюда и самоирония, и ирония по отношению к внешнему миру, к окружающим людям.

— О чем же сама история?

— Историю придумал сценарист Леня Порожня, живущий в Екатеринбурге. Точнее, была придумана не история, а некоторые герои и ситуации, из которых и возник сценарий полнометражного фильма. Мы его писали вместе с Леной в Екатеринбурге, два месяца не выезжая из его однокомнатной квартиры, где был один компьютер, два дивана, стол, чай и немного вина... Картина о сорокалетних людях, которые, на мой взгляд, так и не нашли себе применения в сегодняшней жизни.

— Если я правильно понимаю, речь идет о вашем поколении?

— Да, ведь это мой возраст. Но фильм о том, что не надо ни жалеть, ни ругать. Мало ли, что герои не нашли способ общения с этим миром, это поколение самодостаточно. Хотя

А. Мурадов

уже не буду. И когда пришла "перестройка", я тоже достаточно активно жил, у меня было много удовольствий. Да и сегодня — весьма большой круг увлечений.

— "Змей" — ваша дипломная работа на Высших курсах режиссеров и сценаристов. У вас была альтернатива в выборе материала, вы могли бы тогда снять другую картину по жанру, по стилю, да и просто о другой жизни, не такой трудной, если не сказать безысходной?

— До того, как возник сценарий "Змея", у меня была еще одна идея, с которой я пришел к Герману и Кармалите. Речь шла о рассказе "Черное пальто" Петрушевской, с которой я уже договорился о том, что буду снимать фильм. Даже написал сценарий и показал его Кармалите, но она сказала, что это слишком "тяжелая" история, и посоветовала выбрать что-нибудь "полегче".

— О чем же тогда этот рассказ, если он "тяжелее" истории "Змея"?

— О девушке, которая пыталась покончить жизнь самоубийством, о том, что она себе представляла за несколько секунд... Это несколько мистическая история, хотя выглядит все довольно реально. А знаете, сценарий "Змея" тоже не сразу одобрили мои мастера, и лишь спустя некоторое время Герман и Кармалита изменили к нему отношение и благословили меня на съемку.

— Признаться, когда я узнала, что вы снимаете комедию, с трудом в это поверила.

— Прежде всего речь идет не о комедии в чистом виде, которая вызывает много смеха. "Правда о щелпах" — сердитая комедия, вызывающая ироническую улыбку. В нашем фильме главное — внутренние переживания героев, отсюда и самоирония, и ирония по отношению к внешнему миру, к окружающим людям.

— О чем же сама история?

— Историю придумал сценарист Леня Порожня, живущий в Екатеринбурге. Точнее, была придумана не история, а некоторые герои и ситуации, из которых и возник сценарий полнометражного фильма. Мы его писали вместе с Леной в Екатеринбурге, два месяца не выезжая из его однокомнатной квартиры, где был один компьютер, два дивана, стол, чай и немного вина... Картина о сорокалетних людях, которые, на мой взгляд, так и не нашли себе применения в сегодняшней жизни.

— Если я правильно понимаю, речь идет о вашем поколении?

— Да, ведь это мой возраст. Но фильм о том, что не надо ни жалеть, ни ругать. Мало ли, что герои не нашли способ общения с этим миром, это поколение самодостаточно. Хотя

большой частью герои живут прошлым, тем не менее они живут, говорят, думают.

— И ничего не делают для того, чтобы идти вперед?

— Это и есть та проблема, которая рассматривается в фильме. "Двигаться" пока не очень получается. Эти люди завязаны на прошлом. Они пытаются разобраться в истории, слушавшейся в детстве, в результате которой один из друзей сошел с ума. А была всего лишь неудачная шутка. Спустился 25–30 лет они стараются понять, кто во всем виноват и виноваты ли кто-нибудь вообще.

— А что означает странное слово "щелпы"?

— На Урале существует миф о том, что на протекающей там реке Серья есть небольшой островок, где водятся эти самые щелпы — так называемые энергетические густки, или, другими словами, лесные жители, которые входят в контакт с человеком, попавшим в это местечко. И в зависимости от того, что это за человек, они и общаются с ним так или иначе. Так вот, на деньги, полученные от Юсина, удалось собрать великолепную профессиональную группу. Мы работали сутками и за 45 дней отсняли всю картину.

— Это вас телевидение научило работать в таком темпе?

— Абсолютно точно, научило именно телевидение. "Змей" мы вообще сняли за 12 дней. Но есть еще один момент — это огромное желание сделать фильм, не растягивая удовольствие во времени. Когда знаешь, чего хочешь добиться, соответственно идешь к этому самым коротким путем.

— Качество фильма напрямую зависит от его бюджета?

— Хорошую картину можно снять на чем угодно — VHS, кодеке, фуджи, цифре. Что касается "Змея", я считаю, мне Бог помог, что все состоялось. Ведь актеры согласились играть за копейки.

— Вы делаете "Щелпов" с той же командой, что и "Змея"?

— Фильм снимался в Екатеринбурге, но так же, как и "Змей", не на Свердловской студии. В силу экономических причин в киностудии много сложностей. За бортом осталось огромное количество людей. На мой взгляд, это профессионалы высшего разряда, которые очень соскучились по работе в кино, ведь в последнее время каждый занимался чем придется: кто пивом торговал, кто картинками или цветами. В некотором смысле я воспользовался ситуацией и пригласил очень талантливых людей к себе в "компанию" на новый проект. К счастью, они согласились со мной работать, а поскольку картина финансируется Службой кинема-

тографии, то у нас появилась возможность им платить. Если оператор, художник, некоторые актеры пришли после "Змея", то остальные члены съемочного коллектива — новые люди.

— Снимали на натуре?

— Много снимали на натуре, но снимали и в павильоне, под который мы приспособили учебный театр, построив в нем декорации.

— Кто из актеров занят в этом фильме?

— В картине — три главные роли, две из них играют актеры из Тюмени и одну — из Воронежа. Это основной ансамбль, а все остальные — екатеринбуржцы. Исполнителей на главные роли я нашел по фотографиям. Искали в Интернете, по театрам — Омскому, Воронежскому, Тюменскому. Поначалу на каждую роль было по три-четыре претендента. В результате фото- и кинопроб остались Камиль Тукеев, Алексей Шлями и Леонид Окунев. Из них только Окунев снимался в кино, в небольшой роли у Хотиненко. Я очень люблю работать с нераскрученными актерами. С ними, на мой взгляд, можно о многом договориться. У них совсем другой внутренний посыл, я бы сказал, более трепетный, ведь они еще "не насытились" тем, что происходит на съемочной площадке, для них это еще что-то новое. А человек, который попадает в незнакомую обстановку, более открыт.

— Может быть, вам просто боязно работать с именитыми актерами?

— Нет, не боязно и не страшно, дело не в этом. Сегодня в связи с сериальным движением многие известные актеры просто заштампованы, их до такой степени используют в одном и том же "русле", что они стали заложниками общей ситуации. А помните, по Станиславскому, ведь первый враг актера — это штамп. Мне кажется, что большинство актеров, снимающихся в сериалах, это уже осознано, и предложи любому из них "живой" материал, он с удовольствием согласится с тобой поработать. При первой же возможности я воспользуюсь этим обстоятельством, думаю, что и со знаменитыми актерами смогу договориться.

— Вы только что закончили монтаж картины, что для вас значит этот процесс?

— Монтаж — это восторг. С помощью монтажа можно переиначить, переделать, переосмыслить — словом, сделать все, что угодно: менять акценты, переставлять череду крупных планов и в результате на одном и том же отрезке "запечатленного" времени, снятом с одним и тем же актером, получить пять-шесть всевозможных вариантов. На самом деле

съемки — это только набор материала. Кино может состояться только на монтажном столе. Даже какие-то неудачно снятые вещи, как кажется поначалу, вдруг могут оказаться самыми главными. Еще я очень люблю пользоваться командой "стоп". У нас с оператором есть свои кодовые знаки, и когда я говорю "стоп", камера не выключается. И те "орехи", кусочки, которые вроде бы уже находятся за пространством фильма, имеют огромную ценность. В этот момент все расслабляется, и начинается жизнь. А если немного поднажить, как бы играючи попросить произнести текст, то, как правило, актер это делает абсолютно свободно, и получаются потрясающие вещи.

— Вы так спокойно раскрыли секрет, не боитесь, что актеры могут этим воспользоваться?

— Нет, потому что у нас все время идет такая игра: я говорю "стоп", потом еще и еще раз повторяю эту команду, но, когда камера выключается и действительно происходит "стоп", никто из актеров не знает. Нам с оператором Робертом Филатовым удалось найти общий язык по всем аспектам совместной деятельности, в том числе и по этой позиции. На самом деле связка — оператор и режиссер — очень важная штука. Филатов — екатеринбуржец, окончил ВГИК, мастерскую Юсова, после института за три года сделал около четырехсот видеоклипов, роликов. К моменту нашей встречи на "Змея" он был абсолютно "рекламным", с солидным багажом оператором. Это я говорю к тому, что из каждой ситуации можно извлечь пользу. Не надо запрещать людям ходить по газонам, надо просто сделать тропинку. Вот у нас с Робертом, я думаю, как раз тот самый случай: он воспользовался моими знаниями, а я — его. И хотя я знаком со многими хорошими операторами, и телевизионными, и кинооператорами, но я даже не представляю, что хотел бы еще с кем-то работать, кроме Филатова.

— У меня сложилось впечатление, что у вас уже есть и определенный круг тем на будущее?

— Да. Это шесть проектов, реализации которых рано или поздно буду добиваться. Причем к двум из них я отношусь настолько трепетно, так их люблю, что внутри все шевелит, и я боюсь даже к ним приступить.

— Вопрос жанра вы рассматриваете с самого начала проекта?

— Работая на телевидении, в цирке, театре, я попробовал такое количество жанров и смеси жанров, что для меня это не является проблемой. Жанр определяется сразу. Как только я что-то задумал, уже понимаю, в каком жанре это выгоднее делать с точки зрения передачи эмоций.

— То есть изначально все зависит от материала?

— Изначально все зависит от меня самого, но не потому, что я такой хороший или плохой. Просто если в материале меня что-то волнует, трогает, я начинаю действовать для того, чтобы это так или иначе материализовалось. Один из этапов на этом пути — выбор жанра.

— В таком случае, можно ли предположить, что вы остановите свой выбор, к примеру, на музыкальном жанре?

— Я обожаю музыкальные фильмы. Вообще очень люблю музыку, у меня большая коллекция. Более того, я делал музыкальные клипы, занимался музыкальными шоу, в этом смысле у меня есть в руках ремесло. И конечно, очень хочу снять мюзикл! Речь не идет о том, что я начну его делать буквально завтра, это не входит в мои ближайшие планы. Я говорю о том, что жанр надо рассматривать как инструмент, с помощью которого ты доносишь до зрителя свой замысел. Мюзикл, драма, трагедия, мелодрама и так далее или серьезная комедия, как наши "Щелпы", — этим просто пользуешься. Главное — было бы что сказать.

Беседу вел
Наталья МАЗУР
Фото Ирины КАЛЕДИНОЙ